

Слово в моей жизни

Рассказ
Народного артиста СССР
И. В. ИЛЬИНСКОГО

★

Отец мой очень любил живопись, театр. Он мог быть хорошим художником, актёром, а между тем всю жизнь работал врачом. Изредка отрывался он от своего зубо-врачебного кресла, брал кисти и, надев широкополую крымскую шляпу, уезжал куда-нибудь в тишину писать русскую природу.

Но, кроме таланта живописца, у него был и неоспоримый талант актёра. Для него было отдыхом читать вслух любимые произведения Чехова, Марка Твена, Гоголя. Как сейчас, вижу отца, читающего «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Книги для меня звучали, а их не только видел, но и слышал. А выразительно звучащее слово воздействует на человека сильнее, чем слово на бумаге. Когда вы просто читаете напечатанное в книге: «Чуден Днепр при тихой погоде...» — это одно. Но, когда вы слушаете эти слова, слушаете музыку слов, голос, — это уже совсем другое...

Так незаметно отец открывал для меня прелести родного языка, развивал с детства любовь к выразительному русскому слову. Он часто напоминал мне, что каждый человек, кем бы он ни был, должен уметь убедительно и культурно говорить. Речь, слово — это своего рода оружие, и оружие не только актёра, но и гражданина.

Без движения играть можно, без слов — тоже. Но раскрыть по-настоящему глубину мысли может только слово — выразительное, идущее от души.

Часто причиной наших неудач бывает то, что мы не совсем правильно одеваем наши мысли в слова. Иногда беденькую и тощую мысль наряжаем в слишком пышный словесный наряд, иногда же здоровую, свежую мысль выразим так, что она вянет и блёкнет, как цветок под тяжёлой попошкой.

Неудобно как «не договорить», так и «переговорить», слово должно быть «по росту» мысли. И когда в речи есть мысль, тогда слово и без внешних эффектов звучит выразительно, убеждённо. Этот ценный вывод я сделал после одного счастливого для меня случая. Я никогда его не забуду...

Было это ровно сорок лет назад. Опера «Фиделио» была приурочена к первой годовщине Октябрьской революции. В этот торжественный день она шла в Большом театре. Мы уже загримировались и были готовы к спектаклю, но начало

спектакля задерживалось. На сцене шёл митинг.

— Говорит Ленин, — сказал мне мой товарищ. — Хочешь послушать?

И я в первый и единственный раз увидел Ленина. Глубоко запечатлелось в моей памяти это выступление. Но должен сказать, что я настолько был очарован своей актёрской профессией, что и все впечатления были чисто актёрскими. Я не сразу обратил внимание на то, о чём говорил Ленин. Всё моё внимание поначалу было сосредоточено на самом образе Ленина и на том, КАК он говорил.

О Ленине у меня уже создавалось впечатление, как о блестящем ораторе и пламенном трибуне. И вдруг... Простой, скромный человек в пиджачке, говорящий тихим, спокойным голосом. Но весь зал огромного Большого театра застыл во внимании.

Меня, как артиста, страшно заинтересовало, почему люди с такой жадностью и с таким искренним доверием слушают простые, почти тихие слова оратора.

И я понял почему. В спокойных, но убедительных оттенках его голоса были все интонации и краски, нужные оратору. Порой ирония, порой сарказм, порой недоумение. И конечно страстное, неотразимое убеждение во всём.

Не раз его слова прерывались взрывом смеха, когда особенно ярко сверкал юмор. Прерывались они и громом аплодисментов, когда тихо, но убедительно и ярко звучали МЫСЛЬ и интонация. Я был покорён.

Много открытий сделал я для себя в тот памятный вечер. Я понял: родной язык надо любить, как мать, как музыку, и надо уметь хорошо говорить, чтобы при случае передать свою мысль другим ясно, просто и правдиво.

Русский народ создал могучий, правильный и свободный язык. Тот, кто занимается художественным чтением, особенно ощущает тончайшие оттенки русского языка. Искусство звучащего художественного слова признано народом как искусство понятное, нужное. Но народ не любит «декламации», декламации в плохом

смысле слова, когда чтец ставит «гарниры» украшательства самоцелью, говорит напыщенно, высокопарно.

Недавно на одном деловом заседании выступающий сказал:

— Я люблю товарища Петрова.

Прочитав эти слова, вы подумали бы: «Кто-то кого-то любит». Но, если бы вы видели пренебрежительный жест, слышали, с какой интонацией были произнесены эти слова, вы перевели бы слова выступающего так: «Я допускаю существование Петрова, но презираю его».

Ни в одной басне, ни в одном стихотворении не записана интонация, и чтец сам раскрывает, дополняет главную мысль произведения. А ведь у каждого писателя, поэта свой стиль, своя музыка речи. Нужно учиться чувствовать эту музыку, понимать её.

Казалось бы, что общего между словом и музыкой? На самом же деле слово очень музыкально. А человек, не знающий музыки, не так понимает музыку, как тот, кто с ней знаком.

Художественное чтение приносит такую же радость и наслаждение, как занятие музыкой.

И ещё вот о чём мне хотелось бы сказать читателям «Пионерской правды». Развивайте в себе хороший вкус. Мне думается, для этого надо больше читать и почаще слушать по радио настоящее художественное слово: записи Качалова, Яхонтова, Москвина.

Учитесь у них правильному русскому языку, но не надо слепо перенимать их внешнюю манеру читать.

Есть очень хорошие стихи Маршака. Эти стихи вы все знаете. Помните: «Весной поросята ходили гулять. Счастливей не знал я семьи. «Хрю-хрю», — говорила довольная мать, а детки визжали: «И-и».

Всё было бы хорошо. Но нашёлся среди них «умница», который сказал, что все взрослые поросята говорят «хрю-хрю», а не просто визжат «и-и». Он и сам попытался сказать «хрю-хрю», а получилось «и-и». «С тех пор перестали малытки играть... И всё оттого, что не смели визжать...»

Мой совет: не стесняйтесь кричать «и-и», побольше фантазируйте. Можно, конечно, и подражать, не надо этого бояться. Все мы учимся и подражаем. Но когда человек открывает свой ключ к языку, передаёт произведение по-своему, он познаёт большую радость, радость творчества.

